

СИБРУК. ЛЮБОВЬ У ОКЕАНА

— КНИГА 2 —

БОЛЬШЕ НЕ СТЫДНО

ЭДДИ СЛОАН

Эдди Слоан

Больше не стыдно

<https://litres.ru/74198158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тесса приехала в Сибрук всего на три месяца.

После публичного скандала она больше не хочет быть видимой. Камера, когда-то бывшая ее способом понимать мир, стала напоминанием о том, как быстро чужие мнения могут превратить твою жизнь в приговор.

Сибрук должен был стать временным убежищем.

Здесь есть кафе, книжный магазин, фестиваль у гавани, соседи с бесконечными вопросами и Риз, пекарь, которого, кажется, любит весь город. Он улыбается легко, шутит вовремя и всегда появляется с кофе именно тогда, когда он нужен.

Только чем ближе Тесса узнает Риза, тем яснее видит: его улыбка тоже маска. Он привык быть удобным, нужным, легким. Привык заранее отпускать людей, чтобы потом не было больно.

Она прячется от чужого осуждения.

Он прячется за тем, что всем нужен.

И оба слишком долго жили так, будто настоящими быть небезопасно.

«Больше не стыдно» — вторая книга серии «Сибрук. Любовь у океана». Это самостоятельный роман о маленьком прибрежном городе, тихой любви и втором шансе.

Содержание

Добро пожаловать в Сибрук	5
Глава 1. Не то приветствие	6
Глава 2. Ничего смешного	17
Глава 3. Фестивальная повинность	34
Глава 4. Пять минут	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эдди Слоан

Больше не стыдно

Добро пожаловать в Сибрук

Сибрук - маленький город у океана, где все знают твое имя, кофе здесь крепкий, океан всегда слушает, а каждое лето приносит новые причины остаться.

Каждый роман серии «Сибрук. Любовь у океана» рассказывает историю новой пары и читается как самостоятельная книга. Но знакомые лица, закаты в гавани, утра в пекарне, разговоры в книжном магазине и сплетни в кафе связывают все истории между собой.

Добро пожаловать обратно.

Глава 1. Не то приветствие

Тесса ненавидела, когда ее узнавали.

Что было иронично.

Потому что много лет она именно к этому и стремилась.

К более крупным проектам.

Более серьезным клиентам.

Более заметным возможностям.

Всё двигалось вверх.

Пока не перестало.

Теперь она въезжала в Сибрук в огромных солнцезащитных очках, бейсболке и с таким количеством тревоги, что ее можно было считать отдельным багажом.

На всякий случай.

На случай, если кто-нибудь вспомнит.

На случай, если кто-нибудь задаст вопросы.

На случай, если ей снова придется объяснять, что произошло.

Снова.

Слева показался океан.

Синий.

Яркий.

Неприлично красивый.

Из тех видов, которые люди фотографируют.

Из тех видов, которые она раньше фотографировала.

До того, как камера начала казаться уликой.

Пальцы сами потянулись к сумке с фотоаппаратом на пассажирском сиденье.

Старый инстинкт.

Свет на воде.

Белые лодки.

Чистый горизонт.

Идеальная композиция.

Рука остановилась на полпути.

Нет.

Не сегодня.

Может быть, вообще не этим летом.

Тесса крепче сжала руль.

Три месяца.

Вот и всё.

Три тихих месяца.

Без интервью.

Без клиентов.

Без ожиданий.

Без людей, которые советуют превратить боль в контент.

Три месяца она переживет.

Наверное.

Впереди появился приветственный знак.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СИБРУК

НАСЕЛЕНИЕ: 6214

ЛЕТНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ: ЗАВИСИТ ОТ ПОГОДЫ

Тесса выдохнула.

Город с чувством юмора.

Прекрасно.

Именно этого ей не хватало.

Снятый ею коттедж находился в трех улицах от гавани.

Маленький.

Белый.

Увитый плетистыми розами.

Слишком очаровательный.

Подозрительно очаровательный.

Как место из фильма, где кто-нибудь обязательно усваивает важные жизненные уроки.

Тесса не интересовалась важными жизненными уроками.

Она хотела анонимности.

Сна.

И, возможно, способности открывать почту без легкой тошноты.

Ничего амбициозного.

Она занесла вещи внутрь, сняла бейсболку и встряхнула примятые под ней темно-каштановые волосы.

Потом проверила телефон.

Четыре пропущенных звонка.

Два письма.

Три непрочитанных сообщения.

Она положила телефон экраном вниз.

Нет.

Не сегодня.

Особенно не сегодня.

Хозяйка коттеджа оставила на кухонной стойке записку от руки.

Добро пожаловать в Сибрук.

Пекарня открывается в шесть.

Поверьте мне.

Тесса посмотрела на записку.

Потом на часы.

Потом снова на записку.

Через двадцать минут она уже шла к гавани.

Вопреки здравому смыслу.

В последнее время это становилось повторяющейся темой.

Пекарня стояла на углу Мейн-стрит.

В окнах горел теплый свет.

Запах настиг ее раньше, чем она открыла дверь.

Кофе.

Ваниль.

Корица.

Хлеб.

Утешение.

Колокольчик над дверью звякнул.

Мужчина за стойкой поднял голову.

Высокий.

Темноволосый.

С закатанными рукавами, припорошенными мукой.
С улыбкой, от которой стоило ждать неприятностей.
Профессионально отработанных неприятностей.
Таких, которые прекрасно знают, что делают.

Он посмотрел на нее.

По-настоящему посмотрел.

Потом улыбнулся шире.

«Вы новенькая».

Тесса моргнула.

«Это так очевидно?»

Он взглянул на ее чемодан.

Она тоже взглянула на свой чемодан.

Справедливо.

Очень справедливо.

«Добро пожаловать в Сибрук».

В его голосе было тепло, настолько отработанное, что оно почти казалось настоящим.

Именно поэтому Тесса ему сразу не доверяла.

«Я Риз».

Конечно.

Он выглядел ровно как Риз.

Что бы это ни значило.

«Я Тесса».

Его улыбка не изменилась.

Ни на миллиметр.

Интересно.

Обычно люди слышали ее имя и сразу добавляли:

Подождите.

Та самая фотограф?

Или хуже:

А что случилось с той кампанией?

Риз просто кивнул.

«У вас в руках нет кофе, так что я предполагаю чрезвычайную ситуацию».

Она уставилась на него.

Он ждал.

Очевидно, рассчитывал на смех.

Смеха не последовало.

Впервые с того момента, как она вошла, на его лице что-то мелькнуло.

Не смущение.

Удивление.

Крошечное.

Но определенно настоящее.

А потом что-то еще.

Тише.

Старше.

Короткая вспышка мужчины, которого тишина не всегда забавляла.

Она исчезла почти сразу.

Тесса заметила.

И тут же пожалела, что заметила.

Она указала на меню.

«Просто кофе».

Он облокотился на стойку.

«Обычно людям нужен кофе, прежде чем они готовы к Сибруку».

«Я не планирую быть готовой к Сибруку».

Еще одна пауза.

Крошечная.

Потом он пришел в себя.

«Тогда черный кофе».

«Черный».

Его рука потянулась к кассе.

«Видите? Мы уже решили это вместе».

Ничего.

Даже намек на улыбку.

Риз моргнул.

На самом деле моргнул.

Будто с ним такого еще никогда не случилось.

И, судя по тому, как женщина у окна смотрела на них с откровенным любопытством, скорее всего, не случилось.

Он протянул ей кофе.

«Первый день в городе?»

«Первый час».

«И как мы пока справляемся?»

Тесса взяла стаканчик.

Теплый.

Устойчивый.

Безопасный.

В отличие от остальной ее жизни.

«Вердикта пока нет».

Риз прижал ладонь к груди.

«Жестоко».

И снова подождал.

И снова она ничего ему не дала.

На одно невозможное мгновение он выглядел по-настоящему потерянным.

Выражение исчезло почти сразу.

Сменилось другой улыбкой.

Не такой широкой.

Меньше выученной.

Более настоящей.

«Не волнуйтесь. Этот город усыновляет людей агрессив-
но».

«Звучит как угроза».

«Так и есть. Но с маффинами».

Это почти сработало.

Почти.

Тесса опустила взгляд в кофе, пока риск не прошел.

Риз заметил.

Конечно, заметил.

Его улыбка снова изменилась.

Не победная.

Любопытная.

Будто она стала загадкой, которую он никак не ожидал найти до завтрака.

«Ну что ж, если понадобятся рекомендации, дорога куда-нибудь или срочная помощь выпечкой, я ваш человек».

«Буду иметь в виду».

Не будет.

Скорее всего.

Точно не будет.

Может быть.

Тесса понесла кофе к двери.

Колокольчик звякнул, когда она вышла наружу.

За гаванью тянулся океан.

Утреннее солнце красило воду золотом.

Люди махали друг другу через улицу.

Женщина несла цветы.

Кто-то смеялся.

Лаяла собака.

Весь город выглядел раздражающе живым.

Она отпила кофе.

Он был идеальным.

Разумеется.

За ее спиной открылась дверь пекарни.

Риз вышел с коробкой выпечки.

Увидел ее и остановился.

«Забыл сказать».

Она повернулась.

«Летний фестиваль в гавани начинается через несколько недель».

«Постараюсь сдержать восторг».

И вот это принесло ей первый настоящий смех.

Теплый.

Неожиданный.

Обезоруживающе приятный.

Риз переложил коробку с выпечкой в другую руку.

«Им нужен фотограф».

Слова ударили мгновенно.

Тесса сжала пальцами стаканчик.

Слишком сильно.

Крышка слегка прогнулась.

Живот провалился вниз с прежней, знакомой скоростью.

Нет.

Абсолютно нет.

Гавань на секунду расплылась.

Не перед глазами.

Внутри.

Последняя работа.

Комментарии.

Статья.

Почтовый ящик.

Контракты, которые тихо исчезли.

Молчание после того, как все перестали ее защищать.

Нет.

Она покачала головой.

«Не интересуется».

Слишком быстро.

Слишком резко.

Слишком ее выдавало.

Риз это слышал.

Она поняла.

Впервые с момента их знакомства он не пошутил.

Не улыбнулся.

Не стал давить.

Просто кивнул.

«Хорошо, что у нас еще есть несколько недель».

И ушел.

Оставив Тессу стоять на тротуаре с идеальным кофе, дрожащей рукой и неприятным осознанием: каким-то образом он уже увидел ровно то место, куда она никого не хотела пускать.

В первый же день.

Глава 2. Ничего смешного

К полудню Тесса узнала о Сибруке три вещи.

Во-первых, здесь все махали рукой.

Всем.

Постоянно.

Из машин.

С тротуаров.

Из дверей.

С движущихся велосипедов, что казалось медицински неразумным.

Во-вторых, никто не уважал эмоциональную границу солнцезащитных очков.

Тесса надела их специально, чтобы сообщить миру: пожа-луйста, не подходите.

Сибрук истолковал их как милый аксессуар.

В-третьих, пекарни Риза было невозможно избежать.

Не метафорически.

Физически.

Все дороги будто вели мимо нее.

Планировка города вызывала подозрения.

Возможно, была намеренной.

Тесса несла бумажный пакет с продуктами к коттеджу и старалась не смотреть в окна пекарни.

Не получилось.

Риз стоял внутри и передавал маленькую коробку пожилому мужчине в рыбацкой шляпе.

«Вы вчера забыли свои черничные маффины».

Мужчина рассмеялся.

«Ты запомнил?»

Риз пожал плечами.

«Вы заказываете их каждый четверг уже три года».

Женщина за ним улыбнулась.

Ребенок у стойки помахал рукой.

Риз помахал в ответ.

Вся пекарня будто вращалась вокруг него.

У некоторых людей было такое свойство.

Комната раскрывалась для них.

Город раскрывался для них.

Когда-то Тесса тоже была почти такой.

Или близко к тому.

Она умела входить в помещение с камерой и делать так, чтобы людям хотелось быть увиденными.

Теперь сама мысль о том, что ее видят, заставляла кожу становиться слишком тесной.

Она отвернулась.

Слишком поздно.

Риз заметил ее через окно.

Тесса заправила за ухо выбившуюся темную прядь, будто это могло сделать ее менее заметной.

Он поднял руку.

Она подумала, не притвориться ли, что ничего не видела.
Потом вспомнила, что держит продукты, а не невидимость.

Она коротко кивнула.

Профессионально.

Вежливо.

Без поощрения.

Он все равно улыбнулся.

Естественно.

При дневном свете коттедж оказался еще хуже.

Не в строительном смысле.

В эмоциональном.

У него была желтая входная дверь.

Качели на веранде.

Миска лимонов на кухонной стойке.

Стопка местных путеводителей, перевязанная бечевкой.

Кто-то явно проектировал это место для нападения на эмоционально хрупких женщин.

Тесса разобрала продукты.

Потом разобрала одежду.

Потом не разобрала абсолютно ничего из фотооборудования.

Сумка осталась у двери.

Закрытая.

Безопасная.

Обвиняющая.

Телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

На секунду у Тессы сжалась грудь.

Потом она прочитала сообщение.

Добро пожаловать в Сибрук. Это Айрис из кафе «Дрифт».

Заглядывайте, если понадобится кофе, еда или человек, который подскажет, кого из местных стоит избегать.

Следом пришло второе сообщение.

Не избегайте никого. Мы очаровательны.

Тесса уставилась на экран.

Откуда у Айрис ее номер?

Пришло третье сообщение.

Риз дал мне ваш номер.

Конечно, дал.

Четвертое появилось почти сразу.

Шучу. Хозяйка коттеджа дала. Риз раздражающий, но не преступник.

Тесса почти улыбнулась.

Почти.

Плохой знак.

Она положила телефон.

Потом снова взяла.

Напечатала:

Спасибо.

Удалила.

Напечатала:

Я в порядке.

Удалила.

В конце концов написала:

Буду знать.

Ответ пришел мгновенно.

Так все и начинается.

Тесса долго смотрела на сообщение.

Потом положила телефон экраном вниз.

Нет.

Она не позволит этому городу себя усыновить.

Ни агрессивно, ни как-либо иначе.

К трем часам она не выполнила ровно ни одной задачи из запланированных.

Не ответила на письма.

Не открыла сумку с камерой.

Не изучила город.

Не поняла, что собирается делать с собой следующие три месяца.

Зато она расставила все на кухне коттеджа по алфавиту.

Личное дно.

В четыре она сдалась и снова пошла в город.

Не потому, что хотела.

Потому что тишина начала казаться опасной.

Мейн-стрит светилась в позднем дневном солнце.

За магазинами мерцала гавань.

Не думая, Тесса остановилась.

Низкий свет падал на лодки под таким углом, что вода становилась золотой.

Мимо пробежал ребенок с красными шариками.

Женщина в зеленом платье смеялась у цветочной тележки.

В витринах отражалась гавань.

Пальцы Тессы дернулись.

Автоматически выстраивая кадр.

Свет.

Цвет.

Движение.

Идеально.

Рука потянулась к сумке с камерой, которой при ней не было.

Осознание ударило сильнее, чем она ожидала.

На одно невозможное мгновение ей захотелось сделать снимок.

Захотелось.

Не для клиента.

Не для срока.

Просто потому, что это было красиво.

Тесса сунула руки в карманы и пошла дальше.

На доске у входа в кафе «Дрифт» было написано:

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДНЯ:

МАФФИНЫ «НЕ ВАШЕ ДЕЛО»

Тесса остановилась.

Этот город был утомителен.

Колокольчик над дверью кафе звякнул, когда она вошла.

Внутри пахло кофе, маслом и разговорами, которые прекращались ровно на секунду позже, чем следовало.

Женщина за стойкой подняла голову.

Острый взгляд.

Серебристые волосы.

Никаких сомнений, кто перед ней.

«Айрис?»

«А ты, должно быть, Тесса».

Разумеется.

Тесса огляделась.

«На мне есть табличка?»

«Нет».

Айрис облокотилась на стойку.

«Ты новая, красивая и выглядишь так, будто предпочла бы находиться где угодно, только не здесь. У нас это уже полная биография».

Тесса моргнула.

Потом, против собственной воли, коротко рассмеялась.

Тихо.

Случайно.

Айрис улыбнулась.

Победно.

«Отлично. Значит, ты умеешь».

«Редко».

«Мы над этим поработаем».

«Нет, не поработаем».

«Все так говорят».

Прежде чем Тесса успела ответить, дверь за ее спиной открылась.

Она поняла, кто вошел, еще до того, как обернулась.

Что раздражало.

Риз.

С пустым подносом для выпечки и выражением лица человека, который ни разу в жизни не сомневался, что ему рады.

«Не начинай», сказала Тесса.

Он остановился.

Посмотрел на Айрис.

На Тессу.

Потом снова на Айрис.

«Я еще ничего не сказал».

«Вот именно».

Айрис забрала поднос.

«Она сообразительная».

«Я заметил».

Тесса скрестила руки на груди.

«Я вообще-то стою прямо здесь».

«Мы и это заметили», сказала Айрис.

Риз облокотился на стойку.

Его улыбка была легкой.

Слишком легкой.

«Итак. Ты нашла кафе «Дрифт»».

«Оно стояло на улице».

«Хороший глаз».

«Я фотограф».

Слова сорвались сами.

Комната будто изменилась.

Не заметно.

Внутри нее.

Будто она случайно произнесла имя человека, которым когда-то была.

Риз заметил.

Айрис заметила.

Конечно, заметили.

Тесса возненавидела их обоих за это.

Риз открыл рот.

Закрыл его.

Никакой шутки.

Никаких вопросов.

Только короткий кивок.

От этого почему-то стало хуже.

И лучше.

Одновременно.

Айрис указала на доску.

«Маффин «Не ваше дело»?»

«Нет».

«Правильный выбор», сказал Риз. «У них ужасные проблемы с границами».

Айрис бросила в него полотенце.

Он поймал его, даже не глядя.

Нелепо.

Тессу это должно было раздражать.

И раздражало.

В основном.

В кафе влетел подросток со стопкой листовок.

«Риз! Нам нужно больше волонтеров для подготовки фестиваля».

Риз посмотрел на листовки.

Потом на Айрис.

«Нет».

Айрис улыбнулась.

«Да».

«У меня пекарня».

«У пекарни есть двери. Двери можно закрывать».

«Звучит плохо для пекарни».

«Обожаю, как ты переживаешь».

Тесса тихо шагнула назад.

Поздно.

Айрис повернулась к ней.

«И ты».

«Нет».

«Ты не знаешь, что я собираюсь попросить».

«У меня есть контекстные подсказки».

Риз усмехнулся.

«Вот оно».

Тесса бросила на него взгляд.

Он выглядел довольным.

Что было глубоко раздражающим.

Айрис подвинула через стойку листовку.

СОБРАНИЕ ВОЛОНТЕРОВ ЛЕТНЕГО ФЕСТИВАЛЯ В

ГАВАНИ

Тесса посмотрела на листовку так, будто та могла укусить.

«Я не буду волонтером».

«Конечно, не будешь».

Айрис кивнула.

«Ты поможешь с визуальным оформлением».

«Это звучит как волонтерство с более приличным названием».

Риз рассмеялся.

По-настоящему.

Тепло.

Внезапно.

Тесса посмотрела на него.

Он посмотрел в ответ.

Слишком долго.

Будто сам факт, что она с ним спорит, его почему-то развлекал.

Или, может быть, факт, что она все равно возвращалась.

Мысль, которую она отказалась рассматривать.

Она сразу ее проигнорировала.

«Собрание сегодня в шесть», сказала Айрис.

Тесса повернулась к Ризу.

«Это ты устроил».

«Абсолютно нет».

«Твой город устроил».

«Это звучит точнее».

Она снова посмотрела на Айрис.

«Я приехала сюда быть невидимой».

Выражение лица Айрис смягчилось.

Недостаточно, чтобы превратиться в жалость.

Слава богу.

«В Сибруке никто не бывает невидимым, дорогая».

Слова ударили сильнее, чем должны были.

Улыбка Риза чуть поблекла.

Совсем немного.

Собрание проходило в Летнем павильоне.

Что звучало очаровательно.

И было очаровательно.

Непростительно очаровательно.

Под балками висели гирлянды.

В центре стояли столы для пикника.

Вдали светилась гавань.

Люди здоровались с Ризом каждые три шага.

Дети выкрикивали его имя.

Пожилая женщина ущипнула его за щеку.

Мужчина спросил про заказ торта.

Кто-то еще попросил его быть судьей у стола с пирогами.

Кто-то еще спросил, не сможет ли он починить стойку микрофона.

Тесса смотрела, как город отщипывает от него маленькие кусочки.

Шутку тут.

Услугу там.

Улыбку.

Смех.

«Да».

Всегда «да».

К тому моменту, как они добрались до стола волонтеров, она устала за него.

Риз выглядел совершенно нормально.

Конечно, выглядел.

Айрис протянула им планшет с бумагами и маленький латунный ключ.

«Фотостена и инсталляция воспоминаний».

Тесса уставилась на нее.

«Нет».

Риз посмотрел на бумаги.

«Абсолютно нет».

Они сказали это одновременно.

Тишина.

Айрис улыбнулась.

«Прекрасно. Вы уже согласны друг с другом».

Тесса посмотрела на Риза.

Риз посмотрел на Тессу.

Впервые за весь день они оказались на одной стороне.

К сожалению, против Айрис.

А значит, уже проиграли.

Айрис подняла ключ.

«Три дня с архивными коробками. Одна кладовая. Не потеряйте ключ».

Похоже, теперь их сближали официально, с выдачей ключа.

Прекрасно.

Ужасно.

Тесса потянулась за ключом.

Риз тоже.

Их пальцы соприкоснулись.

Тепло.

Коротко.

Неожиданно.

Оба отдернули руки.

Недостаточно быстро.

Недостаточно медленно.

Риз прочистил горло.

Айрис заметила.

Естественно.

И выглядела довольной, что было почему-то еще хуже.
«Тесса, ты разбираешься в визуале. Риз, ты знаешь всех».
«Это ужасная причина».

«Это правильная причина».

«Я не занимаюсь фестивальной фотографией», сказала Тесса.

«Я и не сказала фотографией».

Айрис указала на наброски.

«Дизайн. Оформление. Атмосфера. Камера не требуется, если только ты сама не захочешь».

Если только ты сама не захочешь.

Слова прозвучали мягко.

Слишком мягко.

Тесса посмотрела на планшет.

На наброски.

На пустые места, где должны были появиться старые фотографии.

На название фестиваля вверху.

Летний фестиваль в гавани.

Пальцы дернулись.

На этот раз не от страха.

От возможности.

Абсолютно нет.

Риз наклонился ближе, чтобы прочесть страницу.

Слишком близко.

Тепло у ее плеча.

На его рукаве все еще едва заметная мука.

«Похоже, мы строим стену».

Тесса подняла взгляд.

«Временную инсталляцию».

«Стену».

«Визуальный архив».

«Стену с чувствами».

Она уставилась на него.

Он улыбнулся.

Ждал.

На этот раз она почти рассмеялась.

Почти.

Его глаза смягчились.

Слишком сильно.

Слишком быстро.

Будто он решил, что «почти» засчитывается.

Не засчитывалось.

Очевидно.

Тесса взяла планшет.

«Ладно».

Риз торжественно кивнул.

«Отлично. Будем строить стену с чувствами».

«Скажешь это еще раз, и я уволюсь».

«Ты только что пришла».

«Я очень эффективна».

На секунду он посмотрел на нее почти с восхищением.

Не с обаянием.

Не как человек, который играет роль.

С чем-то тише.

Потом кто-то позвал его с другого конца павильона.

«Риз!»

Улыбка вернулась мгновенно.

Во всю силу.

Городская улыбка.

Выход на сцену.

Он повернулся на голос.

«Иду!»

Тесса смотрела, как он уходит.

Перемена была такой быстрой, что она могла бы ее пропустить.

Но не пропустила.

Настоящий Риз продержался одну секунду.

Может быть, меньше.

Потом город позвал.

И он снова себя надел.

Это осознание задержалось в ней дольше, чем следовало.

Достаточно долго, чтобы стать фотографией, которую она не сделала.

Достаточно долго, чтобы ей впервые за несколько месяцев захотелось взять с собой камеру.

Глава 3. Фестивальная повинность

Тесса подумала, что можно не прийти.

Серьезно подумала.

Ровно четырнадцать минут.

Потом вспомнила три важных факта.

Во-первых, в Сибруке, похоже, работала удивительно эффективная сеть сплетен.

Во-вторых, Айрис была пугающей.

В-третьих, Тесса уже согласилась.

Технически.

Под эмоциональным давлением и подозрительным количеством обаяния.

Но все же.

Согласилась.

Именно поэтому на следующий вечер, ровно в шесть, она стояла у кладовой за Летним павильоном.

С планшетом с бумагами в руках.

И с терпением, которое уже подходило к концу.

Риз появился в 6:02 с двумя стаканчиками холодного кофе и белой коробкой из пекарни.

«Ты опоздал».

Он протянул ей один стаканчик.

«Пожалуйста».

Тесса посмотрела вниз.

Черный кофе.

Без сахара.

Именно так, как она заказала вчера.

Он запомнил.

Раздражает.

Она взяла стаканчик.

«Две минуты».

«Пробки в маленьком городе».

«Здесь шесть улиц».

«Ремонт у гавани».

Она подняла бровь.

«У гавани нет никакого ремонта».

Риз улыбнулся.

«Ты учишься».

Он протянул коробку.

«Набор для выживания на фестивале».

Внутри лежали две слойки, присыпанные сахарной пудрой.

«Я не просила еды».

«В Сибруке никто не просит еды».

«А если я скажу нет?»

«Тогда я решу, что ты заболела».

Несмотря на себя, она взяла одну.

Он выглядел слишком довольным.

Плохой знак.

Сама кладовая была маленькой.

Один складной стол.

Три коробки с надписью СТАРЫЕ ФОТО.

И примерно четырнадцать лет фестивальных украшений.

Тесса огляделась.

«Это хаос».

Риз прислонился к дверному косяку.

«Сезонный хаос».

«Это не делает его лучше».

«Делает, если ты здесь живешь».

Она поставила кофе.

Открыла первую коробку.

Фотографии.

Сотни фотографий.

Дети, измазанные краской.

Пары, танцующие вместе.

Костры.

Парады.

Лодки, обмотанные гирляндами.

Целые летние сезоны, застывшие в глянцевых прямоугольниках.

На мгновение она забыла, что устала.

Забыла, что нужно быть осторожной.

Забыла себя.

Она взяла одну фотографию.

Поздний дневной свет.

Девочка смеется, запрокинув голову.

Идеальная композиция.

Идеальный момент.

Тот, кто сделал снимок, точно знал, когда нажать на спуск.

«Это Айрис».

Тесса подняла глаза.

«Что?»

«Шестнадцать лет назад».

Риз указал на фотографию.

«В тот год она выиграла конкурс пирогов».

«Она выглядит счастливой».

Риз улыбнулся.

«Обычно она такая и есть».

Тесса снова посмотрела на снимок.

Тот, кто его сделал, поймал что-то настоящее.

Не поставленное.

Не сыгранное.

Живое.

Такие фотографии она когда-то любила.

До того, как все превратилось в стратегию.

Метрики.

Вовлеченность.

Контент.

Ее пальцы крепче сжали края снимка.

Осторожно.

Старые фотографии ломаются, если держать их слишком сильно.

Это чувство она знала слишком хорошо.
Держать что-то хрупкое слишком крепко.
Через час они уже рассортировали фотографии по стопкам.

Годы.

Темы.

События.

Категории воспоминаний.

Риз придумал как минимум половину.

«Местные легенды».

«Это не категория».

«Еще какая категория».

«Сомнительные модные решения?»

Он поднял фотографию 2012 года.

Тесса посмотрела.

Поморщилась.

«Ладно. Это категория».

Он ухмыльнулся.

Победа.

Она отвернулась, пока он не заметил, что это почти сработало.

Так безопаснее.

Наверное.

Через павильон прошла семья.

Маленькая девочка сразу заметила Риза.

«Мистер Маффин!»

Риз рассмеялся.

«Меня не так зовут».

«Так тебя называет мой брат».

Девочка обняла его за талию.

Риз без колебаний присел перед ней.

«Как проходит лето, Эйва?»

«У меня выпал передний зуб».

«Поздравляю».

Она показала улыбку с дыркой на месте зуба.

«Круто, да?»

«Чрезвычайно».

Тесса смотрела на них.

Легко.

Естественно.

Без игры.

Или, может быть, это и была игра.

Она не понимала.

И почему-то эта мысль беспокоила сильнее, чем следовало.

Девочка убежала обратно к родителям.

Риз поднялся и стряхнул муку с джинсов.

Мука.

До сих пор.

Вечно мука.

«Ты правда знаешь всех».

Он пожал плечами.

«Профессиональный риск».

«Быть пекарем?»

«Человеком, который не умеет не лезть в чужие дела».

Она рассмеялась неожиданно даже для себя.

По-настоящему.

Тихо.

Но по-настоящему.

Риз замер.

Не драматично.

Совсем чуть-чуть.

Его глаза нашли ее.

Тепло-карие.

Внимательные.

Будто она протянула ему что-то хрупкое.

Возможно, так и было.

На одно невозможное мгновение он выглядел как мужчина, которому захотелось услышать этот звук снова.

Момент растянулся.

Секунда.

Две.

Три.

Потом кто-то крикнул его имя с другого конца павильона.

«Риз!»

Очарование рассыпалось.

Его улыбка вернулась сразу.

Яркая.

Легкая.

Публичная.

Выход на сцену.

Снова.

Тесса первой отвела взгляд.

Так безопаснее.

Определенно безопаснее.

К закату фотостена начала обретать форму.

Бечевка.

Прищепки.

Группы фотографий.

Истории, наложенные друг на друга.

Годы обычных моментов.

У гавани местная группа проверяла микрофоны.

Сквозь павильон тянулся запах жареной кукурузы.

Дети гонялись друг за другом между столами для пикника.

Кто-то развешивал фонарики над причалами.

Весь город будто готовился к чему-то большему, чем фестиваль.

К чему-то, ради чего стоило возвращаться.

Тесса отступила на шаг.

Поправила один угол.

Потом другой.

К ней подвинулся металлический контейнер.

Она посмотрела вниз.

Дополнительные зажимы.

Разложенные по цветам.

Аккуратно.

Риз пожал плечами.

«Ты все время тянулась не к той коробке».

«Ты заметил?»

«Ты замечаешь детали».

Он слегка улыбнулся.

«Я тоже».

Ответ лег мягко.

Слишком мягко.

Она отвела взгляд, прежде чем он успел увидеть, как это на нее подействовало.

Не думая, Тесса потянулась в сумку.

Ее рука сомкнулась на камере.

Она замерла.

Вес был знакомым.

Слишком знакомым.

Необходимым.

Риз сразу заметил.

Потому что замечать, очевидно, было одной из его самых неудобных привычек.

«Ты не обязана».

Она посмотрела на него.

Легкая улыбка исчезла.

«Без шуток?»

«Не в этот раз».

Ремень камеры лежал у нее в руке.

Тяжелый.

Невозможный.

За павильоном гавань светилась золотом.

Кто-то включил фестивальные огни.

Жизнь продолжалась.

Неровная.

Незапланированная.

Красивая.

Именно такие моменты она когда-то ловила.

Тесса подняла камеру.

Не до конца.

Только чтобы посмотреть в видеоискатель.

Мир сузился.

Свет.

Цвет.

Движение.

Возможность.

Грудь сжалась.

Не от паники.

От горя.

По всему, что она потеряла.

По всему, чего ей не хватало.

По той версии себя, которую она боялась уже не вернуть.

Медленно она опустила камеру.

Не сегодня.

Но не никогда.

Риз ничего не сказал.

Не стал давить.

Не сказал, что она готова.

Он просто стоял рядом.

Тихий.

Непривычно спокойный.

Смотрел на гавань, а не на нее.

Давал ей пространство.

Впервые с приезда в Сибрук Тесса почувствовала что-то неожиданное.

Не счастье.

Не надежду.

Что-то меньше.

Что-то, что было труднее отмахнуть.

Любопытство.

К городу.

К фестивалю.

К мужчине, который стоял рядом с ней.

Почти не думая, она подняла камеру еще раз.

Всего на секунду.

Не чтобы сделать снимок.

Только чтобы посмотреть.

В видеоискателе Риз стоял на фоне огней гавани.

Мука на джинсах.

Ветер в волосах.

Он смотрел на океан, а не на нее.

Настоящий.

Непоставленный.

Красивый.

Мысль ударила так сильно, что Тесса тут же опустила камеру.

Потому что желание сфотографировать его оказалось куда опаснее, чем желание сфотографировать город.

Глава 4. Пять минут

На следующий день после обеда Тесса пришла к кладовой точно вовремя.

Риз уже был там, потому что пунктуальность, видимо, была еще одним способом раздражать.

Он стоял на лестнице и закреплял гирлянды вдоль дальней стены.

Мука припорошила его темную футболку.

Снова.

Тесса начинала подозревать, что вместо клеток кожи он сбрасывает муку.

«Ты рано».

Он посмотрел вниз.

«Ты разочарована».

«Ничуть».

«Именно так звучит разочарование».

Тесса поставила сумку на стол.

«Знаешь, когда-нибудь у тебя закончатся реплики».

Риз спустился с лестницы.

Его улыбка появилась мгновенно.

Легкая.

Непринужденная.

Автоматическая.

«Меня еще никто в этом не обвинял».

«Все когда-нибудь случается впервые».

«Видишь? Ты уже привыкаешь к местной культуре».

Она закатила глаза.

Он ухмыльнулся.

Это оставалось проблемой.

Следующий час они работали почти в тишине.

Точнее, Тесса работала в тишине.

Риз рассказывал.

Истории о фестивальных катастрофах.

О годе, когда кто-то выпустил двадцать семь воздушных шаров внутри помещения.

О годе, когда мэр случайно запустил фейерверк в полдень.

О годе, когда Айрис выиграла конкурс пирогов три раза, потому что никто не решился сказать ей, что она не имеет права участвовать.

Тесса сортировала фотографии.

Делала вид, что не слушает.

Не справлялась.

Иногда.

Раздражающе.

Она смеялась.

Коротко.

Почти произвольно.

Каждый раз Риз выглядел до абсурда довольным.

Будто она вручила ему подарок.

Что было нелепо.

Она не была настолько смешной.

Или сложной.

Наверное.

«Так».

Она прицепила еще одну фотографию к бечевке.

«Серьезный вопрос».

Риз откинулся на спинку стула.

«Звучит серьезно».

«Ты можешь быть серьезным пять минут?»

Его брови поднялись.

«Целых пять минут?»

«Тебе нужны тренировочные колесиики?»

Он прижал руку к груди.

«Ранен».

«Это не ответ».

Впервые с момента их знакомства Риз не ответил сразу.

В комнате стало тихо.

Снаружи над гаванью кружили чайки.

Из павильона едва доносилась музыка.

Где-то вдали кто-то смеялся.

Фестиваль складывался в единое целое.

Но внутри кладовой все будто остановилось.

Риз посмотрел на нее.

По-настоящему посмотрел.

Не легкая улыбка.

Не публичная версия.

Просто он.

«Ты хочешь серьезно?»

Тесса скрестила руки на груди.

«Сможешь?»

Он посмотрел на часы.

«Пять минут».

Потом сел напротив нее.

Без ухмылки.

Без шутки.

Без игры.

Перемена была едва заметной.

Но полной.

Будто кто-то снял маску.

Неожиданно интимно.

Тесса ненавидела то, как сильно это заметила.

«Спрашивай».

Без юмора его голос звучал ниже.

Спокойнее.

Ровнее.

Она не была готова к тому, насколько иначе это ощущалось.

«Почему ты сделал своей работой знать всех?»

Его выражение смягчилось.

«Потому что я здесь вырос».

«Этого недостаточно».

«Нет».

Он посмотрел в сторону гавани.

«Недостаточно».

Прошла пауза.

«Мой отец ушел, когда мне было двенадцать».

Слова легли тихо.

Без драмы.

Без жалости к себе.

Просто правда.

Тесса слегка выпрямилась.

Риз опустил взгляд на свои руки.

На одной костяшке все еще была мука.

«Я довольно быстро понял, что люди остаются рядом
дольше, если им приятно тебя видеть».

Воздух изменился.

У Тессы что-то сжалось в груди.

«Риз...»

Он пожал плечами.

Короткое движение.

Почти смущенное.

«Так что я научился быть легким».

Не смешным.

Не обаятельным.

Легким.

Разница имела значение.

Она это чувствовала.

«Когда открылась пекарня, я знал заказы всех клиентов».

Уголок его рта чуть дрогнул.

Не совсем улыбка.

«Помнил дни рождения. Спрашивал про больных собак.

Помогал двигать мебель».

Он встретился с ней взглядом.

«Оказывается, людям нравится, когда их помнят».

Тесса это знала.

Она построила на этом целую карьеру.

Видеть людей.

Ловить их в кадре.

Делать так, чтобы они чувствовали себя замеченными.

Пока сама не разучилась понимать, как сделать это для себя.

«А ты?» спросил он.

Она отвела взгляд.

Гавань сверкнула золотом за окном.

Слишком близко к правде.

«Пять минут закончились».

Риз посмотрел на часы.

«У нас еще две».

Несмотря на себя, она улыбнулась.

Едва заметно.

Но по-настоящему.

Он заметил.

Он всегда замечал, и это становилось неудобным.

На этот раз он не выглядел победителем.

Просто... счастливым.

От этого почему-то стало хуже.

Лучше.

И то и другое.

«Ты не обязана ничего мне рассказывать».

Его голос оставался тихим.

«Никакого давления».

Без игры.

Без попытки исправить.

Без притворства.

Просто пространство.

Тесса смотрела на фотографии, разложенные по столу.

На годы, в которых люди смеялись.

Держались за руки.

Побеждали в конкурсах пирогов.

Жили обычной жизнью.

«У тебя когда-нибудь было чувство, что все помнят худшее, что ты когда-либо сделал?»

Вопрос сорвался прежде, чем она успела его остановить.

Риз ответил не сразу.

Не поспешил успокоить ее.

Не сказал, что это неправда.

Он подумал.

На самом деле подумал.

«Иногда».

Она подняла глаза.

«Правда?»

«Маленький город».

Уголок его рта чуть приподнялся.

«Поверь, у меня были ужасные стрижки».

Она заслуженно закатила глаза.

Но он не стал продолжать.

Не испортил момент.

«Люди запоминают разное», сказал он наконец.

«Особенно если это было у всех на виду».

У нее сжалось горло.

Он увидел.

Ничего не сказал.

И это странным образом показалось добрым.

Он продолжил:

«Но со временем они начинают помнить то, что было после».

Тесса удержала его взгляд.

Без улыбки.

Без шутки.

Только честность.

На одну замершую секунду ей захотелось рассказать ему все.

Кампанию.

Статью.

Комментарии.

Панические атаки.

То, как камера становилась тяжелее с каждым днем, пока она совсем не перестала брать ее в руки.

Вместо этого она отвела взгляд.

Слишком быстро.

Слишком много.

Риз посмотрел на часы.

«Пять минут».

Улыбка вернулась.

На этот раз мягче.

Менее отполированная.

Больше похожая на него.

«Как я справился?»

Тесса взяла еще одну фотографию.

Выиграла себе секунду.

Потом еще одну.

«Приемлемо».

«Только приемлемо?»

«Едва».

Он рассмеялся.

Тихо.

По-настоящему.

Не для кого-то еще.

Только для нее.

Что-то теплое неожиданно осело у нее под ребрами.

Этому теплу она не доверяла.

Снаружи кто-то позвал его по имени.

У города был талант выбирать момент.

Риз посмотрел на дверь.

Потом снова на нее.

На долю секунды она увидела это.

Выбор.

Ту его версию, которая принадлежала всем.

И версию, сидевшую напротив нее.

Вторая осталась.

Хотя бы еще на минуту.

«Что?» спросила она.

Его выражение изменилось.

Что-то любопытное.

Что-то осторожное.

«Знаешь, - сказал он тихо, - ты другая, когда забываешь защищаться».

Тесса замерла.

Слова ударили сильнее, чем должны были.

Потому что были правдой.

И потому что у нее возникло неприятное ощущение: он говорил не о ее смехе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.